

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 36–46.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 2. P. 36–46.

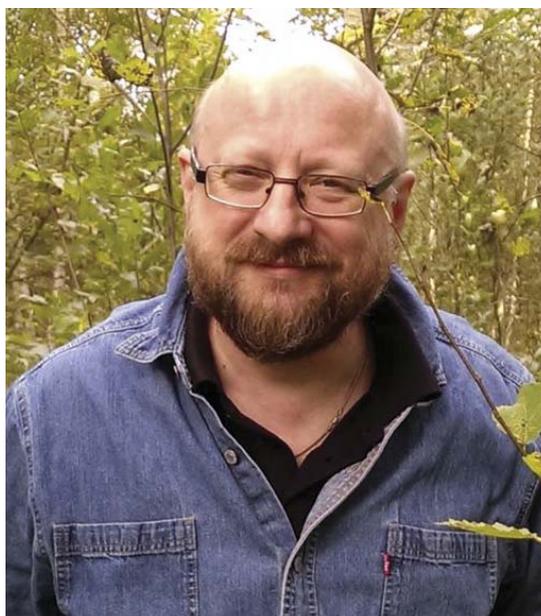
Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-36-46

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ ОБ АМОРАЛИЗМЕ В ПОЛИТИКЕ (1936)

Публикация М. А. Колерова

Модест Алексеевич Колеров

Государственный архив Российской Федерации,
Москва, Россия, kolerovm@gmail.com

 Аннотация. Осуществлена републикация статьи Н. А. Бердяева «Об аморализме в политике» (1936), которую предваряет предисловие М. А. Колерова.

 Ключевые слова: Н. А. Бердяев, Московский процесс, мораль, политика, социализм, христианство

 Ссылка для цитирования: Бердяев Николай. Об аморализме в политике (1936) / публ. М. А. Колерова // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 36–46. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-36-46.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

NIKOLAY BERDYAEV
ON AMORALISM IN POLITICS (1936)
Publication by M. A. Kolerov

Modest A. Kolerov

The State archive of the Russian Federation,
Moscow, Russia, kolerovm@gmail.com

Abstract. The republication of the article by N. A. Berdyaev “On Amoralism in Politics” (1936) has been carried out, which is preceded by a preface by M. A. Kolerov.

Keywords: N. A. Berdyaev, Moscow Trial, morality, politics, socialism, Christianity

For citation: Berdyaev, Nikolay (2025) “On Amoralism in Politics (1936),” Publ. by M. A. Kolerov, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(2), pp. 36–46. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-36-46.

Предисловие публикатора

Массив текстов русской философской мысли XX века подобен Атлантиде. Ее живые следы — в нашей актуальной истории, но полный корпус таких документов остается малоизвестным. Только особое богатство русской национальной культуры до сих пор позволяет безнаказанно *не знать* ее полноты даже в сфере специальных наук. Эта полнота хранит в себе новые открытия, но вряд ли уже изменит сложившиеся иерархии. Если отечественная и зарубежная филологии в изучении истории русской литературы, напротив, давно уже довели свой предмет исследования до наследия творцов третьего, четвертого, пятого ряда, на грани и за гранью графомании, то история русской мысли все еще не исчерпала источниковой базы наследия своих героев даже *высшего* уровня — таких, как мировая звезда Н. А. Бердяев. Между азбучной библиографией и архивными материалами лежит огромная Атлантида публикаций в периодике, особенно тех, что не были собраны их автором в прижизненных сборниках своих статей и поныне не переизданы их исследователями. Удивительно, но факт: архивные материалы этих великих русских в большей степени введены в научный оборот, чем их публикации

в периодике. Доступная квалифицированному читателю полнота таких трудов — до сих пор не решенная задача. Активные публикации в неспециализированной периодике были повседневным хлебом мыслителей наряду с преподаванием. Поэтому таких публикаций объективно много. И решение этой источниковедческой задачи так, как она решается в русской филологии — то есть для всех персональных уровней качественной русской философии, — будет равно новой исследовательской революции [Колеров, 2022].

Коммунизм в России, фашизм в Италии и нацизм в Германии на фоне всемирного экономического кризиса капитализма и подготовки новой мировой войны стали главными историческими новостями 1920–1930-х годов. Они обнажили суть массовой политики в эпоху Модерна, ее принципиальный идеологический стержень, ее тотальные претензии. Исходя из этих новых правил «массового общества», русские левые эмигранты породили доктрину тоталитаризма, после Второй мировой войны, в ходе холодной войны Запада против СССР, принятой на вооружение западной пропагандой¹.

Едва прибыв в Германию как высланный властью из Советской России, Н. А. Бердяев мог праздновать интеллектуальную победу: он первым из русских описал мировое «Новое Средневековье» в книге, изданной в Берлине в 1924 году. Почти одновременные ей русский труд Г. А. Ландау «Сумерки Европы» (Берлин, 1923) и немецкий труд О. Шпенглера «Закат Европы (Запада)» (1918–1922)² делают Бердяева публичным автором применения этой яркой формулы к послевоенной истории³, а вовсе не открывателем явления. Бердяев вспоминал в 1940 году в своих весьма избирательных мемуарах «Самопознание»: «В (19)23 году в Берлине я написал свой этюд “Новое средневековье”, которому суждено было иметь большой успех. “Новое средневековье” было переведено на четырнадцать языков, о нем очень много писали. Это маленькая книжка, в которой я пытался осмыслить нашу эпоху и ее катастрофический характер, сделала меня европейски известным. Сам я не придавал такого значения этой книжке, но в ней я, действительно, многое предвидел и предсказал» [Бердяев, 1991, с. 251].

В этой книге Бердяев — явно с апологетическим избытком — в контексте мировой социальной революции и «восстания масс» дал формулу генетики

¹ Об этом подробно: [Колеров, 2018].

² На него русские отозвались еще в Советской России в специальном «идейном сборнике» «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М., 1922) (в том числе: *Степун Федор*. Освальд Шпенглер и Закат Европы; *Франк С.* Кризис Западной культуры; *Бердяев Николай*. Предсмертные мысли Фауста).

³ Ее изобретателем еще с 1903 года является критик Бердяева социал-демократ и марксист А. А. Богданов, который ею определил путь Бердяева к идеализму как путь обскурантизма против прогресса: [Колеров, 2020, с. 9–10].

итальянского фашизма как *Средневековья*: «Фашизм, единственное творческое явление в политической жизни Европы есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм. (...) Новое средневековье неизбежно будет в высшей степени народно, но совсем недемократично» [Бердяев, 2002, с. 235, 250]. Помещение фашизма в контекст кризиса капитализма стало банальностью: в русской эмиграции корни этого кризиса более всего видели в победе коммунизма в России, историки-современники — в опыте Первой мировой войны, пропаганда в СССР — в перспективе мировой революции. Сталинский «Краткий курс ВКП(б)» (1938), ставший идейной основой для советской исторической политики (и до сих пор невольно доминирующий как нарратив для многих исторических схем в России), даже не стал отдельно описывать нацизм как разновидность фашизма, по умолчанию поставив между ними знак равенства.

Ниже публикуемый текст Бердяева стоит в ряду его рассуждений о морали в современной политике в контексте фашизма и коммунизма и библиографически уже известен. Но лишь библиографически. Может быть, он оказался исторически слишком конкретным, чтобы его переиздать, ибо подчинен повестке только начавшегося в СССР Большого террора, вскоре резко расширившегося и ставшего подлинно массовым. Для идейной истории русской эмиграции важен контекст этого времени, как он отразился на лице эмиграции. Большой террор в СССР остановил советизацию эмиграции, которая уже ярко проявилась в идейной капитуляции евразийства перед Сталиным, двусмысленной пропаганде младороссов, «новоградцев» и других⁴. На новый акт массовых репрессий у них не нашлось эффективного идейного ответа. Создается впечатление, что еще в начале 1920-х годов начав создавать в эмиграции репутильные просоветские организации вокруг «Смены Вех» (1921) и евразийства, ведя эффективную работу советской госбезопасности в других, новых эмигрантских сообществах, Сталин в середине 1930-х годов, к моменту Большого террора, просто утратил интерес к этим инициативам или утратил контроль над ними и потому без колебаний принес их репутацию за рубежом в жертву истреблению и «мобилизации» власти внутри СССР.

* * *

В настоящем тексте Бердяева, прямо посвященном началу этого Большого террора, обращают на себя внимание следующие детали. Во-первых, Бердяев последовательно отрицает политику даже как неизбежное зло, словно возвращаясь к своей анархо-коммунистической молодости 1900-х годов и лишь до-

⁴ О них подробно см.: [Базанов, 2022].

полняя ее своим акцентированным персонализмом. Во-вторых, Бердяев никак не осудил сами факт и цель сталинского суда над внутрисоветской оппозицией, лишь сравнив его с инквизицией. И поэтому подсудимых принципиально невинными не признал и, конечно, не мог признать. И провел уже банальную в то время аналогию между Сталиным и Иваном Грозным (в его борьбе против боярства), которую тогда начала проводить сталинская пропаганда в СССР. Из всей практики нацистского режима Гитлера он упомянул только гестапо: для Бердяева в конце 1936 года существовали Муссолини и фашизм, но не было Гитлера и нацизма, что странно, даже если он ставил между ними знак равенства. Допустим, как тогда это было нередко в советской лексике (а также часто в русской эмиграции), фашизм для Бердяева обнимал собой и нацизм. Но Гитлера все равно в этом тексте нет. И нет этому отсутствию объяснения. Три года спустя, после «Мюнхенского сговора» западных демократий с Гитлером и Муссолини (1938), после аншлюса Австрии Гитлером, после раздела и поглощения Чехословакии, после «пакта Молотова — Риббентропа» (1939) и раздела Польши между Германией и СССР, Бердяев словно забыл об аншлюсе, Мюнхене и Чехословакии, то есть капитуляции западных демократий перед Гитлером. Бердяев молчал о них, то есть настаивал на символической невинности Запада перед лицом сталинской инквизиции.

Бердяев писал тогда своему старому, многодесятилетнему confidentу С. Л. Франку: «Я согласен с Вашим сопоставлением разбойничьих деяний Гитлера и Сталина с Чингис-Ханом. Но Чингис-Хан для своей варварской среды стоял на более высоком моральном уровне, чем Гитлер и Сталин. Для меня все это есть фатальная диалектика империализма, греховной воли к могуществу и власти, греховного культа силы. Я очень мучительно переживаю злодеяния советской власти. Верю, что гитлеровская Германия будет сокрушена» [Бердяев, 2023]. Последнее признание в вере многое уточняет и спасает в общественной философии Бердяева. Это важно, потому что самый ясный, демократичный и одновременно вполне глубокий язык мысли в русской традиции XX века принадлежит именно Бердяеву. Его тексты полны таким количеством формул и афоризмов, что трудно представить себе творческую практику его газетно-журнального труда. Он хранит для нас еще множество открытий.

Николай Бердяев Об аморализме в политике⁵

Московский процесс⁶, которому вероятно предстоит прославиться своей беспримерной низостью, с особенной остротой ставит вопрос о моральной стороне политики. Может ли политика, которая хочет что-нибудь реализовать и защищать, быть моральной, пользоваться чистыми средствами? Не является ли маккиавелизм вечной основой политики? Носители власти всегда более или менее думали, вслед за Каиафой⁷, что лучше одному человеку умереть, хотя бы этот человек был Иисус из Назарета, чем чтобы весь народ погиб. Казнью невинных хотели спасти народ. Такова была философия сторонников обвинений Дрейфуса⁸. Между личной и общественной моралью всегда устанавливали не только различие, но и пропасть. Христиане, которые считали себя сторонниками евангельской морали в личной жизни, в жизни общественной и государственной признавали ложь, насилие, убийства, как способ управления.

Политика в значительной степени есть искусство управления массами. Дело не легкое. Оно кажется легким, когда политические деятели остаются в оппозиции, и делается тяжелым, когда достигают столь желанной власти. Я никогда не любил власти, никакой власти, и всегда имел отталкивание от победителей, но всегда осознавал, что слишком легко критиковать её, сидя у себя за письменным столом, оставаясь в безбрежной свободе мысли. Тяжкий вопрос для морального сознания. Политика, призванная управлять массами путем внушения, неизбежно прибегает к демагогии. И в нашу эпоху демагогия делается главным орудием управления. Она была менее необходима, когда у народных масс были органические верования. Но мы живём в эпоху крушения народных верований. Демагогия всегда прибегает к лжи, всегда обращена к дурным инстинктам масс и слишком часто питает народ ненавистью. Демагогия по существу аморальна. В максимальной степени она применяется, как орудие управления, коммунистами и фашистами, но не только ими. На пессимистические мысли наводит тот факт, что наиболее моральная власть оказывается и наиболее слабой, а наиболее сильная власть и наиболее амо-

⁵ Публикуется по изданию: [Бердяев, 1936]. Публикация М. А. Колерова.

⁶ Московский процесс — показательный публичный судебный процесс над политической оппозицией Сталину в СССР во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Первый в серии трех подобных процессов в 1936–1938 годах, он стал фактическим началом сталинского Большого террора в СССР. — *Здесь и далее примеч. М. А. Колерова.*

⁷ Каиафа — первосвященник Иудеи в I веке н. э.

⁸ Альфред Дрейфус — французский офицер еврейского происхождения, осужденный по ложному обвинению в шпионаже в интересах Германии в 1894 году.

ральной. Те, которые не брезгают никакими средствами для осуществления своих целей, побеждают тех, которые в средствах стесняются и не всё считают дозволенным.

Но ошибочно было бы думать, что аморальные насилия выражаются исключительно в Гепеу⁹ и в Гестапо, в тюрьмах и казнях, к которым прибегают диктатуры. Кроме насилий мечем, всегда видимых и бросающихся в глаза, есть ещё насилия деньгами, всегда скрытые и невидимые. Эти насилия процветают в капиталистических обществах, где подкупают прессу, фальсифицируют общественное мнение, создают скрытые влияния на правительства, выдвигая правительства желательные и опрокидывая нежелательные. Это есть не меньший аморализм в политике, но другого рода.

Аморализм в политике всегда прибегает к риторике, всегда прикрывается возвышенными символами. Самые корыстные и низменные интересы прикрываются декламациями о любви к отечеству, о национальном единстве, самая беззастенчивая борьба за власть прикрывается благом рабочего класса, социальной справедливостью и пр. Но современный аморализм в политике представляет собой новое явление, и интересно вникнуть в его идейный генезис.

Происходит изменение и перерождение морального сознания, при котором зло переживается и сознается, как добро. И это связано с исчезновением чувства греха. Сталин продолжает традицию управления Иоанна Грозного. Он находится в восточно-азиатской русской традиции. Но между Иоанном Грозным и Сталиным существует огромная разница в моральном сознании. Иоанн Грозный был одним из самых больших злодеев и тиранов истории. И ошибочно было бы думать, что Сталин в этом отношении еще хуже его. Не в этом вопрос. У Иоанна Грозного было сильное чувство греха. Его мучали угрызения совести, он боялся вечной гибели. Не думаю, чтобы у Сталина или у Ягоды были угрызения совести, очень возможно, что они убеждены в своей правоте, когда прибегают к лжи и убийству. Они зло считают добром. Они не знают никакой другой морали, кроме морали политического расчета. У современного человека чувство греха вообще очень ослабело, а это чувство очень омрачало сознание тех властителей прошлого, которые прибегали к кровавым насилиям. В самых возмущающих насилиях прошлого было все-таки больше благородства, чем в насилиях современных. Инквизиция была благороднее московского процесса. Инквизиторы верили, что они спасают душу тех несчастных, которых они пытали и сжигали. Это было чудовищное заблуждение, но в этом не

⁹ ГПУ / ОГПУ — Объединенное Государственное Политическое Управление РСФСР / СССР (1922–1934). В 1934 году вошло в состав НКВД СССР.

было того цинического утилитаризма и того полного отрицания достоинства человеческой личности, которые характеризуют современную инквизицию.

Сейчас происходит в мире окончательное отпадение от основ христианской морали. Она была еще свойственна и тому гуманизму, который не признавал уже себя христианским. Свобода, равенство и братство христианские по своему происхождению идеи. Это переживание христианской морали было и у старых русских революционеров. Желябов назвал себя христианином и на процессе 1-го марта, и его старается извинить в этом советский автор биографии Желябова¹⁰. Социализм и коммунизм имеют христианские истины, это все более признается историками. Но первоосновы христианской морали и связанная с ними человечность надломилась в мире. В мире обнаруживается и торжествует уже совсем иное моральное сознание.

Для морального кризиса огромное значение имело явление Ницше, апофеоз воли к могуществу. Сам Ницше был слишком благородное, утонченное и аристократическое явление, чтобы иметь прямое влияние на массовые течения, хотя, например, на Муссолини его влияние несомненно. Но есть совсем другой источник морального кризиса, который приводит к оправданию каких угодно средств для реализации поставленных общественных целей. Это уже совсем не походит на новую ницшеанскую мораль ценностей. Это есть мораль социального утилитаризма, которая существовала во все времена, но в нашу эпоху обнаруживает себя в оголенном и беззастенчивом виде, ничем себя уже не стесняя. Если вы признаете, что единственный источник моральных оценок, единственный источник различения между добром и злом лежит в обществе, в общественном благе, в общественной пользе, в достижении общественного могущества, то вы неотвратимо придете к аморализму в политике и к признанию всех средств дозволенными. Если мораль целиком подчинена политике, если нет никакой морали, кроме политической, то политика делается аморальной. Можно, как угодно, поступать с человеком во имя общественного блага. Сократ был отравлен. Иисус Христос распят во имя такой морали. Она может принимать формы консервативные и формы революционные. Робеспьер всех гильотинировал во имя такой морали. При этом он признавал себя самым добродетельным из людей. Мораль, которая признает человека средством и орудием строительства нового общества или охранения старого общества, это все равно, которая или государство, или революцию ставит выше человека, выше достоинства человека, достоинства всякого человеческого существа, несущего в себе образ и подобие Божие, неизбежно приводит к аморальным по-

¹⁰ См.: [Воронский, 1934].

следствиям. Есть только одна форма социализма, которая может быть оправдана христианской и просто человеческой, человеческой моралью, это форма персоналистического социализма, который признает верховную ценность и примат человеческого лица, всяческого человеческого лица, и прежде всего униженного и угнетенного, и во имя его организует новое общество. Такой социализм не будет разрешать трагический конфликт личности и обществом в сторону подавления личности обществом. В русских течениях ближе всего к этому типу был Герцен, хотя его философское обоснование было очень слабым, на Западе же Прудон, хотя его философия меня удовлетворяет ещё менее. Сейчас же к этой позиции ближе всего религиозный социализм.

Другая мораль представлена была у нас в прошлом Нечаевым и Ткачевым, этими прямыми предшественниками Ленина. Достоевский, пораженный Нечаевским делом, изобразил возникшую на этой почве моральную атмосферу. Изображение было неточно, в форме, иногда походившей на пасквиль, но духовно Достоевский что-то тут открыл. Нечаев был фанатиком и изувером, его «Катехизис революции»¹¹ испугал и оттолкнул почти всех русских революционеров, но он был вместе с тем натурой аскетической и героической. Нечаев не в Алексеевском равелине, а на вершине власти, приобретает иные черты. Аморализм, при котором во имя утилитарных целей позволительно любое обращение с человеком, не только его физическое убийство, но и его моральное убийство, позволительна всякая ложь, делается господствующим моральным сознанием огромной страны, а не только кучки изуверов. Это есть страшное моральное последствие русской революции, утеря совести и человеческого достоинства. Я склонен положительно оценивать социальные последствия революции. Но создавшаяся моральная атмосфера непереносима. Меня сейчас мало интересует политическая сторона московского процесса. Политически, с точки зрения интересов России, Троцкий и Зиновьев вероятно хуже Сталина и Ворошилова. Старый коммунизм кончается в России, и постепенно умирают или убиваются его главные деятели. Образуется новый национал-коммунизм с пафосом государственности и строительства, который почти уже не отличается от фашизма. Но при всей огромности происходящих в России процессов в ней не замечается морального улучшения. Люди живут в рабьем страхе. Для того, чтобы было улучшение моральной атмосферы, для того, чтобы произошла этизация политики, нужно ценность человека поставить превыше всего и освободиться от идолопоклоннического отношения к обществу, государству, революции, классу, расе и пр.

¹¹ Верно: «Катехизис революционера».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Базанов П. Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 322 с.

Бердяев Н. А. [Письмо] С. Л. Франку 12 декабря 1939 г. / публ. А. А. Гапоненкова // Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 146.

Бердяев Н. А. Новое Средневековье // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 222–310.

Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.

Бердяев Николай. Об аморализме в политике // Новая Россия / Двухнедельный журнал под ред. А. Ф. Керенского. Paris, 1936, 15 октября. № 14. С. 6–7.

Воронский А. Желябов. М., 1934 (Жизнь замечательных людей). 400 с.

Колеров М. А. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск: Лимариус, 2020. 499 с.

Колеров М. А. Мы — накануне новой отечественной гуманитарной революции (Выступление на семинаре «Русская мысль» в Русской Христианской гуманитарной академии, 8 апреля 2022 г.) // Русская философия. Выпуск 1(3). СПб., 2022. С. 144–154.

Колеров М. А. Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2018. 152 с.

References

Bazanov, P. N. (2022) *Tsar' i Sovety: russkaya emigratsiya v bor'be za rossiiskuyu gosudarstvennost': politicheskaya i izdatel'skaya deyatel'nost'* [*Tsar and the Soviets: Russian Emigration in the Struggle for Russian Statehood: Political and Publishing Activities*]. 2nd edn. St. Petersburg: RKhGA Publ.

Berdyayev, N. A. (2023) “[Pis'mo] S. L. Franku 12 dekabrya 1939 g.” [“[Letter] to S. L. Frank, December 12, 1939”]. Publ. by A. A. Gaponenkov, in *Nikolai Berdyayev: epistolyarnyi razgovor. Arkhivnye materialy* [*Nikolai Berdyayev: Epistolary Conversation. Archival Materials*]. Ed. by T. G. Shchedrina. Moscow: Political Encyclopedia, p. 146.

Berdyayev, N. A. (2002) “Novoe Srednevekov'e” [“The New Middle Ages”], in Berdyayev, N. A. *Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e* [*The Meaning of History. The New Middle Ages*]. Moscow: Kanon+ Publ., pp. 222–310.

Berdyayev, N. A. (1991) *Samopoznanie* [*Self-Knowledge*]. Moscow: Kniga Publ.

Berdyayev, Nikolai (1936) “Ob amoralizme v politike” [“On Immoralism in Politics”], *Novaya Rossiya* [New Russia]. Fortnightly Journal ed. by A. F. Kerensky, 14, Paris, 15 October, pp. 6–7.

Voronsky, A. (1934) *Zhelyabov*. Moscow, (Life of Remarkable People).

Kolerov, M. A. (2020) *Manifesty russkogo politicheskogo idealizma: “Problemy idealizma” (1902), “Vekhi” (1909), “Iz glubiny” (1918) i ikh nasledniki* [Manifestos of Russian Political Idealism: “Problems of Idealism” (1902), “Milestones” (1909), “From the Depths” (1918) and their Heirs]. Minsk: Limarius Publ.

Kolerov, M. A. (2022) “My — nakanune novoi otechestvennoi gumanitarnoi revolyutsii (Vystuplenie na seminare ‘Russkaya mysl’ v Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii, 8 aprelya 2022 g.)” [“We are on the Eve of a New Domestic Humanitarian Revolution (Speech at the Seminar ‘Russian Thought’ at the Russian Christian Humanitarian Academy, April 8, 2022)”], *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 1(3), St. Petersburg, pp. 144–154.

Kolerov, M. A. (2018) *Totalitarizm: russkaya programma dlya zapadnoi doktriny* [Totalitarianism: Russian Program for Western Doctrine]. Moscow: Publication of the bookstore “Tsiolkovsky”.

Информация о публикаторе: Модест Алексеевич Колеров — кандидат исторических наук, начальник отдела изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Адрес: Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17, стр. 2.

Information about the publisher: Modest A. Kolerov — PhD in History, Head of the Department for the study and Publication of Documents of the State archive of the Russian Federation. Address: 2 17 Bolshaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025;
одобрена после рецензирования 01.06.2025;
принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 10.06.2025.